

Предисловие

XVII столетие получило тогда же наименование «бунташного» века. Это выражение вошло и в историографию. Читатель, суди сам: Первую треть столетия заняла Смута (по сути — социально-экономический, политический и династический кризисы, выразившиеся в формах Гражданской войны и Интервенции) и выход из нее. С 30 гг. протянулась цепь городских восстаний (самые заметные — московские — 1648, 1662 и 1682 гг.), сопровождавшихся крестьянскими бунтами. Восстание под предводительством Степана Разина всколыхнуло всю Россию. Возникший в середине века раскол Русской Православной церкви, когда часть прихожан, считавших себя старообрядцами, не приняла никоновскую реформу и упорно сопротивлялась официальной государственной и церковной власти. Высшим проявлением раскола стало Соловецкое восстание. Страна перманентно испытывала внутренние и внешние потрясения большей или меньшей степени интенсивности.

В этих условиях особенно велика была роль людей, способных возглавить отпор и тем, и другим. Герои нашего повествования — военные и политические деятели своего времени. Все они принадлежали к высшему сословию, но относились к разным его слоям. Так князьями-аристократами являлись рюриковичи М. В. Скопин-Шуйский и Д. М. Пожарский, и гедиминович В. В. Голицын. Из царского рода была царевна Софья. К знатным московским боярским фамилиям принадлежали Б. И. Морозов, М. Б. Шеин и Ф. И. и Б. П. Шереметевы. К рядовому дворянству относились И. Д. Милославский, А. Л. Ордин-Нащокин, Ф. М. Ртищев и Б. М. Хитрово. Выходцем

из дьяческого сословия был А. С. Матвеев, из казачества — Б. Хмельницкий. Все они, кроме рано ушедшего из жизни Скопина-Шуйского, в итоге дослужились либо до глав правительств, либо до положения одних из самых влиятельных лиц во власти.

Их деятельность требует сгруппировать вышеназванных персон по-иному. Не просто полководцами, но героями Смутного времени, предстают князья Скопин-Шуйский и Пожарский. Если первый смог одержать тактическую победу над антигосударственными силами и пал от руки смертельно напуганного его успехами дядюшки, царя Василия Шуйского, то второй одержал стратегическую победу над, прежде всего, польско-литовскими интервентами, а в мирное время состоял в Боярской думе и являлся членом правительства. К ним при- мыкают Шеин и Ф. И. Шереметев. Шеин прославился героической обороной Смоленска в Смутное время, но этот город стал позже свидетелем его трагедии, завершившейся гибелью от рук палача. Шереметев в целом в Смуту удачно возглавлял правительственные войска, но как член Семибоярщины правда, пожалуй, самый ответственный и бескорыстный, едва не пострадал за это. В правление Михаила Федоровича одно время он исполнял обязанности главы правительства. Б. П. Шереметев является как бы связующим звеном между XVII столетием и XVIII. Он проявил себя и как дипломат, и как полководец (участвовал в Крымских и Азовских походах) в XVII в. Но заслуженную известность получил, все же, командуя армиями в войне Северной. Правда, до ее окончания он не дожил.

Ни в какую группу не входит царевна Софья Алексеевна. Это — феномен не только русской, но и европейской истории того времени. Благодаря своему характеру и талантам политического деятеля она смогла воспользоваться политическим кризисом и стать правительницей России при малолетних царях-братьях. Однако она проиграла политическую партию своему возмужавшему брату, Петру I.

До глав правительств доросли Морозов, Милославский, Ордин-Нащокин, Матвеев и Голицын. Успех Морозова был предопределен тем, что он являлся «дядькой», воспитателем царя Алексея Михайловича. Однако страсть к наживе и лихоимство клеветов, а также неудачный соляной налог, вместе взятые, в первую голову вызвали сильный политический кризис, вылившийся в городские восстания, прежде всего, московское 1648 г., которое и свергло Морозова, едва избежавшего народной расправы. Однако «дядька» из-за кулис и в дальнейшем влиял на политический курс. Счастливчик, ставший тестем царя Алексея, Милославский как глава правительства, конечно, находился под влиянием своего зятя-Морозова. Он обладал более скромными способностями, а во время кризиса рубежа 50–60 гг., связанного с провальным введением в обращение медных денег, не удержался от набивания карманов и тоже в 1662 г. был на волосок от народной расправы во время очередного московского восстания.

Ордин-Нащокин, Матвеев и Голицын составляют плеяду прогрессивных для своего времени глав правительств. Они полагали, что в России следовало шире использовать опыт западноевропейских государств, перенимать передовые достижения от технико-экономических, до политических и культурных. Их часто называют «западниками», хотя, конечно, их взгляды сильно отличались от представлений адептов буржуазно-либерального течения русских «западников» XIX в. Причем, именно эти трое, еще и главы Посольского приказа, стяжали наибольшие дипломатические успехи Русскому государству в XVII столетии.

Хитрово — воевода, дипломат, глава ряда приказов и в конце карьеры — боярин-дворецкий. Конечно, его нельзя считать выдающемся политическим деятелем. Однако на всех постах он принес, скорее пользу, и не был замечен в крупных злоупотреблениях. Многие годы он был прикосновен к высокой политике. Не являясь любимцем государей, он оставался ими всегда реально востребованным.

Особняком стоит Ртищев. Он не стремился выйти на первый план как государственный муж. Этот человек, отмеченный редкими душевными качествами, являлся одним из ближайших друзей царя Алексея Михайловича. По своему служебному положению постельничего, а затем дворецкого, Ртищев не просто был в курсе интимной жизни государя, но стал его советником по многим и политическим, и личным вопросам. Такие друзья, не искавшие личных выгод, — настоящая находка для любого монарха.

Еще более отдельный случай — Хмельницкий. Став гетманом Запорожского казачества, он возглавил освободительную борьбу малороссийского народа. Длительной и тяжелой она оказалась. Богдан проявил себя выдающимся военным и политическим деятелем. Он понял, что Малороссии необходимо объединиться с Великороссией. В единстве двух братских православных народов — залог их будущего развития. Являясь вначале подданным Речи Посполитой, он вместе со своим народом перешел в подданство Российского государства.

**Князь
Михаил Васильевич
СКОПИН-ШУЙСКИЙ
(1586–1610)**

везда этого военно-политического деятеля возшла на российском небосклоне в Смутное время. Ярко проявив себя, Скопин-Шуйский в двадцать четыре года пал его жертвой. Шуйские состояли в ближайшем родстве с династией Московских князей — русских царей. Они также являлись потомками Александра Невского. По чисто родовым основаниям Шуйские (получившие такую фамилию от своих вотчин вокруг г. Шуи) даже были старше Московских князей: ведь первым их представителем являлся младший сын Невского Даниил, а Шуйские вели свой род от среднего сына Андрея.

Собственно говоря, жизненный путь отпрыска столь знатной фамилии был предрешен: служба и получение со временем высшего боярского чина. Его отец, боярин, князь Василий Федорович, во время войны Русского государства с Речью Посполитой при Иване Грозном, успешно оборонял Псков от войск польского короля Стефана Батория. В 1594 г. он скончался, и восьмилетний Михаил остался на попечении матери, Елены Петровны. Конечно, обладая обширными родовыми связями в самых верхах, пятнадцатилетний юноша поступил на придворную службу. При Борисе Годунове Скопин имел чин жильца, который предусматривал службу по охране государя и исполнение различных поручений. В восемнадцать лет, в 1604 г., наш герой удостоен чина стольника. Так постепенно он поднимался по служебной лестнице до самых ее верхов.

Однако со смертью в 1605 г. Бориса Годунова события в стране стали развиваться стремительно. Смута вступила в свою высшую фазу. В Москве царем провозгласили официально сына Ивана Грозного Дмитрия II. Но уже в XVII в. сложилась историографическая традиция, поддерживаемая и в наше время, что на самом деле это был самозванец и его именуют Лжедмитрием I. Мы не будем нарушать канон, хотя полагаем, что раз этот государь успел венчаться на царство

по всем правилам, то его вполне можно называть Дмитрием II, а уж чей он был сын на самом деле — неважно. Ведь применительно и к иным русским государям возникали сомнения, что их биологическим отцом являлся предшествующий монарх.

Вернемся в 1605 г. Лжедмитрий I по вполне понятным причинам не доверял старой московской знати. Он, наряду с приехавшими с ним поляками и литовцами, стремился опереться на русскую аристократическую молодежь. А среди нее выделялся наш герой. Внешне он был импозантен: высок, богатырского телосложения, пригож лицом, к тому же знатен. Лжедмитрий очень скоро убедился и в отменных душевных качествах Скопина: в благородстве, честности, отважном характере. Михаил был чужд стремлению получить выгоды за счет других, не интриговал. Новый государь, хотя и был еще молод, но прошел суровую жизненную школу и неплохо разбирался в людях. Он сразу понял, что Скопин — это тот человек, который не предаст и выполнит полученный приказ. Вот почему наш герой сразу получил боярство в девятнадцать лет и почетную должность «великого мечника»: на приемах он стоял у трона с царским мечом в руках.

Важнейшее лично для себя поручение: привести в Москву Марфу Нагую (последнюю жену Ивана Грозного и мать Дмитрия) — Лжедмитрий отдал Михаилу Васильевичу. Он его выполнил, и Марфа прилюдно признала нового государя своим сыном, вопреки тому, что в 1591 г. комиссия во главе с боярином, князем Василием Ивановичем Шуйским удостоверяла смерть царевича.

Несмотря на это, положение Лжедмитрия в Москве было шатким. Во многом он сам был в этом виноват, ведя разгульную жизнь, совсем не похожую на обычное поведение русских государей в быту. Он постоянно пререкался с боярами и высказывался о них в самых нелестных выражениях. Поссорился с иерархами православной церкви и вызвал

осуждение церковнослужителей за пренебрежение к традициям царского поведения в храме, и отказывался присутствовать на молебнах. Негодование не только верхов, но и москвичей вообще, вызвала женитьба Лжедмитрия на католичке Марине Мнишек. С этой авантюристкой приехало много поляков и литовцев. Они с присущим «гонором» не прочь были занять при Дворе ведущие места, третировали православную знать, а по отношению к москвичам вели себя подчас вообще как в завоеванном городе.

Восстание против Лжедмитрия стало готовиться почти сразу после его воцарения. Ключевой фигурой здесь стал боярин, князь Василий Иванович Шуйский, между прочим, четвероюродный дядя нашего героя. Поначалу заговор раскрыли, и Шуйский едва не попал на плаху. Видимо Лжедмитрию совсем не хотелось обгагрять свои руки столь знатной кровью. Князь Василий каялся и, возможно, за него замолвил словечко племянник, Михаил Скопин, которому царь всецело доверял. Василия Шуйского не просто отпустили, но он опять занял при Дворе одну из ведущих позиций. После женитьбы на Мнишек и разнузданности польско-литовской шляхты, которую уже никто из москвичей терпеть не желал, вновь готовившийся Василием Шуйским заговор удался 17 мая 1606 г. Лжедмитрий I был убит, как и многие родственники и лица из окружения Марины Мнишек, но сама она уцелела.

Зная о том, что племянник предан своей клятве Лжедмитрию, Василий Шуйский не посвятил его в обстоятельства заговора. Однако Михаил Васильевич не защищал с оружием в руках царя — «расстригу». Когда трон занял дядюшка, наш герой ему присягнул и стал столь же ревностно служить новому государю-родственнику Василию IV. Ввиду того, что сразу же поползли слухи о том, что Лжедмитрий уцелел и вновь собирается идти на Москву для занятия «отчего» престола, Скопин понадобился царю Василию как воевода. Ему пришлось выступить против войска, во главе которого стоял

Иван Исаевич Болотников, встречавшийся как бы со спасшимся Лжедмитрием (на самом деле, это был другой человек, в историографии названный Лжедмитрием II). Болотников был им назначен своим воеводой. Вначале болотниковцы разбили воевод Василия Шуйского под Кромами. Командиры других отрядов также одержали победы над царскими силами: Истома Пашков под Ельцом, а Прокофий Ляпунов захватил Коломну, что давало возможность идти на столицу. По мере военных успехов число болотниковцев множилось, а победы были одержаны под Серпуховом и у реки Пахры. Осада столицы не принесла Болотникову успеха. Стало распадаться его разношерстное войско. Сам Иван Исаевич возглавлял казачьи отряды, а вот во главе дворян-ополченцев стояли городовые воеводы. Кроме того, Лжедмитрий II не приехал в стан Болотникова. Уже многие стали думать, что лицо, от имени которого он действовал, действительно погибло, о чем без устали твердила московская пропаганда. Да и сам Болотников начал подозревать, что назвавшийся царем на встрече с ним — на самом деле другой человек. К концу осады войско покинули дворянские отряды. И в этот момент проявился воинский талант Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Дядюшка-царь, видимо, удерживал его до решающего момента, а может быть, не доверял его способностям: ведь ранее были разбиты более опытные полководцы. Но вот наш герой все же проявил себя 2 декабря, возглавив удачную конную атаку на болотниковцев у деревни Котлы. Затем была взята Коломна и Болотников отошел к Калуге.

Однако Шуйский назначил командовать войсками, осаждавшими город, своих братьев: Дмитрия и Ивана Ивановичей. Как они ни пытались взять Калугу — ничего не вышло. Горе-полководцы потеряли под ее стенами до 14 тыс. человек. Все же зиму 1607 г. Болотников провел в осаде, а весной, когда иссякло продовольствие, он отошел к Туле. Там стояли отряды, поддерживавшие другого претендента на престол,

царевича «Петрушу». Объединенное войско снова сделало попытку похода на Москву. Но в последующих сражениях царские воеводы действовали более удачно, а основной урон болотниковцам нанес Скопин-Шуйский на реке Воронке. Болотников снова отходит к Туле и уже здесь войском в качестве воеводы Большого полка руководит Михаил Васильевич. Осада города длилась с мая по октябрь. Наш герой провел двадцать два штурма Тулы и все безрезультатно. Дело решило предложение боярского сына Ф. Кравкова. Через город протекала река Упа. Сделанная на ней плотина затопила Тулу и 10 октября болотниковцы капитулировали. Предварительно они вступили в переговоры. Царь обещал всех добровольно вышедших из города отпустить. Однако Болотникова и других предводителей тут же арестовали. Вряд ли это было сделано по приказу Скопина-Шуйского. Он не позволил бы себе вероломно нарушить клятву.

Однако вскоре над правлением Василия Шуйского нависла новая угроза. С юга к Москве двигалось новое войско, с которым шел якобы спасшийся в 1605 г. царь Дмитрий. Как мы уже упоминали, историография определяет этого авантюриста как Лжедмитрия II. «Новый летописец», созданный в царствование Михаила Романова, повествует о роли нашего героя в попытке отразить это нашествие: «Послал царь Василий против Вора боярина, князя Михаила Васильевича Шуйского-Скопина да Ивана Никитича Романова. Они же пришли на речку Незнань (между городами Подольском и Звенигородом, как уточнил С. Ф. Платонов. — *А. Д.*) и начали посылать от себя воинские отряды. Вор же пришел под Москву не той дорогой. В полках же начало быть шатание, хотели царю Василию изменить князь Иван Катырев, да князь Юрий Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними. Князю же Михаилу Васильевичу с ратными людьми царь Василий велел идти к Москве». Как видим, Василий Шуйский назначил главным воеводой Скопина. Он, в отличие от трех названных

воевод, не пытался изменить. Однако действия московской рати удачными не назовешь: ее воеводы не смогли определить пути движения сил Лжедмитрия II, который пошел к Москве. Ввиду ненадежности войска, Скопину было приказано отойти к столице.

1 июня 1608 г. войско Лжедмитрия подошло к Москве и встало у Тушина (отсюда и кличка Лжедмитрия II — «Тушинский вор»). Оно включало в себя не только казаков и русских дворян, но и польско-литовские полки. Ввиду того, что царь Василий контролировал далеко не всю территорию России, к тому же борьба с Болотниковым была сопряжена с большим уроном в ратных людях, Шуйский не мог собрать новое войско, которое бы могло активно противостоять тушинцам. Он оказался в Москве в осаде. Причем «Тушинского вора» стали поддерживать все больше и больше городов.

Василий Шуйский в этой опаснейшей для него ситуации воспользовался талантами племянника. «Новый летописец» сообщает, что «царь Василий видя, что многие ратные люди из Москвы разъехались по домам и помощи ждать не от кого, послал племянника своего, князя Михаила Васильевича Шуйского-Скопина в Великий Новгород, а с ним отпустил немногих немецких людей, и повелел ему в Новгороде собрать ратных людей, и повелел послать в немцы нанимать немецких людей на помощь». О том, что государь послал Скопина в Новгород пишут и иностранцы — современники событий: Исаак Масса, Петр Петрей, Конрад Буссов и Элиас Геркман. Однако «Новый летописец» точнее отразил реалии сложившейся ситуации: царь послал Скопина в Новгород с небольшим отрядом немецких наемников. Там наш герой должен был собрать войско. Другой его задачей было нанять еще немецких наемников. Более всех из иностранцев был об этом осведомлен И. Масса. Он пишет, что князь был послан в Новгород «для защиты его, а также для того, чтобы дорога из Швеции была свободна, ибо ожидали шведское войско,

которое обещал прислать король Карл (Карл IX. — А. Д.) и эти шведские и немецкие войска должны были под Новгородом соединиться со Скопным». П. Петрей, К. Буссов и Э. Геркман просто сообщают, что Михаил Васильевич должен был договориться со шведами о наемном войске.

В то время Швеция и Речь Посполитая враждовали. Шведы вполне могли воспользоваться моментом и таким образом нанести удар по польско-литовским силам, часть которых находилась на территории России. Кроме того, уже тогда Швеция могла вынашивать план взятия под свой контроль Новгородской земли, что позже она и осуществила, и ушла из нее только после заключения Столбовского мира 1617 г.

Выбор хитрого интригана Шуйского был идеален. Никто, кроме Михаила Васильевича не мог бы тогда выполнить подобную миссию. Скопин должен был скрытно для тушинцев, обходя отошедшие к Лжедмитрию II города и территории, чуть ли не лесами, добраться до Новгорода. Но это было еще полдела. В самом Новгороде шла борьба между сторонниками царя Василия и Лжедмитрия. Поначалу, Скопин едва не избежал там ареста. Его небольшой отряд не стал бы гарантией против этого. Но все же сторонники Шуйского одержали верх, и князь въехал в город. Правда, «Новый летописец» упрощает ситуацию в Новгороде, повествуя, что Скопина «новгородцы встретили с великой радостью и честью». Далее сказано, что он «начал в Новгороде рать устраивать».

Надо сказать, что наш герой не вел лично переговоры о шведской помощи. Как мы понимаем, его характер не подходил для ведения дипломатии. «Новый летописец» сообщает, что Скопин «послал в немцы, к свицкому королю для найма людей шурина своего Семена Васильевича Головина да дьяка Сыдавнаго Васильева, а с ними дворян и посадских людей». Сведения К. Буссова и Э. Геркмана, что князь сам вел переговоры на шведской территории, неверны. В итоге Головин и Васильев сотоварищи 28 февраля 1609 г. заключили

соглашение в Выборге, по которому шведы обязались помочь царю Василию Шуйскому и направить с этой целью 15-тысячный корпус из наемников (среди которых были шведы, французы, англичане, шотландцы и «иные немцы») под командой графа Якова Пунтоса Делагарди. Взамен русская сторона уплачивала за его содержание 100 тыс. р. Пришлось также поступиться несколькими крепостями в Карелии. Разумеется, территориальные уступки шведам взамен на помощь были санкционированы самим Василием IV.

Пока шли переговоры, Михаил Васильевич был вынужден отвлечься на псковские события. Псковичи перешли на сторону Лжедмитрия. «Новый летописец» свидетельствует, что Скопин, «боясь измены новгородцев, побегал из Новгорода к Ивангороду с небольшим отрядом» (как видим, серьезное войско вскоре собрать не удалось). Но «в дороге» стало известно, что и ивангородцы изменили царю Василию. От нашего героя стали «бежать» воеводы, а в Орешек его не пустили. Положение сложилось аховое. Но вот новгородцы все же попросили Михаила Васильевича вернуться в город, куда он возвратился «со всеми людьми».

Здесь Скопин-Шуйский стал собирать войско. Он заручился поддержкой северных городов, признавших власть царя Василия: Вологды, Каргополя, Устюга Великого, Белоозера, Устюжны Железопольской и других. Скорее всего, их вдохновил призыв Михаила Васильевича, чья слава уже распространилась по городам и весям. В Новгород шли ратники, поступало продовольствие и деньги. Кроме того, Э. Геркман сообщает, что Василий IV послал войска в Новгород. Именно здесь должны были объединиться иностранные наемники и русские силы. Во главе всего объединенного войска царем был поставлен Скопин-Шуйский.

Всего было потрачено полгода на достижение договоренности со шведами, подход наемников и объединение вокруг нашего героя русских сил. Делагарди с наемниками

подошел весной. «Новый летописец» отметил, что шведские военачальники Делагарди и Эверт Горн начали со Скопиным «уговариваться о найме. И решили на слове, почем им платить в месяц, и, о том уговорясь, записями между собой укрепились. И начал князь Михаил Васильевич собираться идти на очищение Московского государства». Еще до подхода наемников он послал воевод привести Псков под власть царя Василия. Псковичи вышли на бой, «и по милости божией псковичей побили». Однако Псков не сдался, и Скопин велел воеводам вернуться, поскольку надо было готовиться к походу на Москву.

П. Петрей отмечает самостоятельные действия Делагарди «в Новгородской области». Так, узнав о подходе его наемников, на сторону царя Василия перешли Порхов, Кексгольм (Карела) и Нотебург (Орешек). Делагарди послал Горна разведать ситуацию у Торжка, но Горн смог выбить из него отряд сторонников самозванца. «Новый летописец» повествует о посылке Скопиным Горна и русского отряда к Старой Русе и Торопцу, которые также были очищены от войск Лжедмитрия. Торжок же был освобожден русским отрядом. Перечисленные противоречия в показе боевых действий между русским источником и иностранным мемуаристом понятны. Во всяком случае, мы полагаем, что вряд ли Делагарди и Горн действовали без одобрения Михаила Васильевича.

И вот в мае 1609 г. объединенное войско под командой Скопина и Делагарди пошло походом на Москву. Ввиду того, что по кратчайшей дороге, с северо-запада, подойти к столице мешали отряды, подчинявшиеся Тушинскому лагерю, пришлось, в основном, двигаться в обход, с Севера. Надо отметить, что наш герой быстро сошелся с Делагарди. Даже говорили об их дружбе. Вообще честный и доброжелательный Михаил Васильевич умел налаживать контакты со своим визави. Делагарди, происходивший из перебравшихся в Швецию французских гугенотов, обладал галльским

темпераментом, но наш герой мог находить с ним общий язык. Словом, обе части войска действовали, в основном, сообща. Недаром мемуаристы-иностранцы обычно упоминают их вместе как двух командующих.

Первые сражения были успешными. После освобождения Торжка и Торопца на пути стояла Тверь, которую взять с наскока не удалось. Затяжные бои у этой большой крепости могли привести к большим потерям. Бои под Тверью по-разному описаны «Новым летописцем» и П. Петреем. «Новый летописец» повествует, что в первом бою у объединенной шведско-русской рати «с литовскими людьми» (сторонники Лжедмитрия) «был бой велик. И литовские люди русских людей и немецких столкнули, и опрокинули немало немецких людей». Скопин «с немецкими людьми» решил отойти и «стоял тут день и ночь. На другую же ночь пошел со всеми людьми к Твери и, придя, тверской острог взял, литовских людей побии наголову, а остальные сели во городе. Немцы же хотели приступить к городу, но князь Михаил Васильевич, жалея людей, не велел им приступить к городу. И немецкие люди, осердясь, повернули назад и пошли к Новгороду». Скопин послал своих представителей «уговаривать» наемников, а также лично Делагарди, которого «едва уговорили». Граф вернулся с наемниками. Наш герой в то же время пошел к Калезинскому монастырю, куда подошел и Делагарди.

Петрей, по понятным причинам, в центр своего описания событий ставит Делагарди. Победа под Тверью «опять осталась за шведами, которые одолели и обратили поляков в бегство. По окончании битвы русский полководец Скопин бросился на шею к графу Делагарди со слезами на глазах благодарил и сказал, что дядя его... и все русское государство никогда не будет в силах достойно отблагодарить его и королевское войско, а тем менее заплатить за эту важную услугу». Петрей заметил, что, если бы события далее развивались так,

как хотел Скопин, то Москва «сдалась бы неприятелю», ибо ей на выручку никто бы не подоспел (утверждение спорное, поскольку объединенное войско подошло к столице лишь в 1610 г.). В первый день победа не случилась из-за проливного дождя. Делаярди «вразумил» нашего героя, что лишь природная стихия, а не храбрость противника помешала выиграть сражение. Словом — взятие Твери произошло «против воли и согласия русского вождя», на третий день благодаря Делаярди. При этом Петрей не преминул заметить, что «надобно удивляться, что шведский полководец и его войско были так добродушны, что рисковали жизнью для блага таких людей», которые не только ушли с поля боя, но и «похитили» поклажу и вещи «главных шведских офицеров». Не будем судить авторов «Нового летописца» и Петрея. В обоих повествованиях видно, что именно Михаил Васильевич старался сберечь людей, как русских, так и наемников. А потери то были большие: недаром Петрей далее пишет, что Делаярди потом «отправился в Коломну, а потом в Александрову слободу» и пробыл там, пока не подошли еще несколько тысяч наемников. Кроме того, наемники хотели непременно взять Тверь, поскольку там было чем поживиться. Эту психологию европейских ландскнехтов следует учитывать. В дальнейшем у руководителей объединенного войска подобных разногласий не отмечено. Иностранцы упоминают вместе двух командующих: Скопина и Делаярди. «Новый летописей» упорно называл одного Скопина.

В июле, как уже отмечалось, войско подошло к Калязинскому монастырю. Здесь была сделана остановка. Из северных городов подвозились деньги и припасы. 18 августа собравшиеся с силами поляки были вновь разбиты. Известие об этой победе дошло до Москвы. Сидевшие в осаде воспрянули духом, ожидая скорого освобождения. Однако борьба приняла затяжной характер. Только 10 сентября войско Скопина

вошло в Переславль Залесский, а 6 октября отряды польско-литовского гетмана Сапеги были изгнаны из Александровой слободы.

Здесь Михаил Васильевич устроил свою ставку. Было снова организовано снабжение войска. Кроме того, ожидался подход рати Ф. И. Шереметева, которая громила тушинцев в Поволжье. Скопин посылал отряды по разным направлениям. Они выбивали противника из таких городов, как Кашин, Ржев, Белая, Бежецкий Верх. Петрей приводит также список городов, «отложившихся» от Лжедмитрия. Это Вологда, Галич, Романов, Молога, Рыбинск, Суздаль, Ярославль, Углич. Был освобожден от осады Троице-Сергиев монастырь. Победы войска Скопина-Шуйского, умелая тактика, не позволявшая в бою многочисленной польско-литовской коннице и казакам проявить свои качества, использование артиллерии и огнестрельного оружия из-за укреплений «гуляй-города», перевозившихся на телегах, вызвали раздоры в Тушинском лагере и его распад. В январе 1610 г. Лжедмитрию II пришлось перебраться в Калугу. Польско-литовские силы, в основном, двинулись к Смоленску, где стоял польский король Сигизмунд III, а частично, разбившись на небольшие отряды, принялись заниматься грабежом местного населения. Гетман Сапега был изгнан 27 февраля из Дмитрова.

Авторитет Михаила Васильевича стал непререкаем. Он давно уже затмил своей популярностью дядюшку, царя Василия Шуйского, который только и мог ждать своего освобождения от осады Москвы талантами племянника. Будь на месте нашего героя амбициозный честолюбец, он бы позволил буквально внести себя на руках на московский трон. Так его в своей грамоте назвал царем рязанский воевода П. Ляпунов. Об этом повествует лишь «Новый летописец»: «Пришла в слободу (Александрову. — А. Д.) из Рязани от Прокофия Ляпунова станица, и писал он к князю Михаилу грамоты. Как змея уязвляет смертоносной язвой, также и он,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru